

Виктор Левченко

СКАНДАЛ: ГРАНИЦА МЕЖДУ СМЕХОМ И СЕРЬЕЗНОСТЬЮ

Скандалами переполнена наша жизнь – от семейных отношений до политических. Они обнаруживают себя и в виде девиантного поведения, и в арт-акциях, и на работе, и в быту. Исследованию их природы посвящены сочинения в области конфликтологии и теории паблик-рилэйшен, например, работы Георгия Почепцова. Общественная реакция на скандалы колеблется от серьезной гневливости, негодования и брезгливости до насмешливо-презрительной позиции, что и позволяет рассмотреть их в рамках заявленной темы данной статьи. Феномен скандала будет проанализирован через призму смехологии с точки зрения выявления антропологических, социокультурных и общефилософских аспектов его представленности. Данный анализ будет осуществлен через обращение к некоторым резонансным событиям, вызвавшим публичную оценку как скандальных. При этом стоит отметить, что несмотря на внешнее подобие скандала и смеха, в его интерпретации И. Кантом, который характеризовал смех как «аффект от внезапного превращения напряженного ожидания в ничто» [10, с. 352], смех – это именно превращение в *ничто*, а не обрушение в отрицательное *нечто*, как это собственно и происходит в процессе разворачивания скандалов.

Эмоциональным толчком и поводом для моего обращения к этой теме послужило одно событие, произошедшее в Москве в преддверии российских президентских выборов 2008 года. 29 февраля этого года в зале «Обмен веществ и энергии организмов» Биологического музея МГУ им. К. А. Тимирязева на Малой Грузинской улице прошла художественная акция («арт-оргия», как ее определили организаторы – арт-группа «Война») «Ибись за медведа!» (или «Ибись за наследника медвежонка»). В ней участвовали около 20 человек. Обнажившись, участники акции разделились на пары и занялись сексом. При этом были выставлены в качестве дополнительной наглядной агитации и провозглашались вслух такие лозунги – «Мы должны поддержать медведей!», «Мы передадим медведям энергию наших тел!», «Мы медведи, ибущие медведей. Я ибу медведа, медведь ибет меня. Мы идущие с медведями! Превед, медвед!». Как видно, арт-акция была политически ангажированной, поскольку обыгрывалась и фамилия официального кандидата в президенты Медведева, и название официального молодежного движения «Идущие вместе» («ибущие» – «идущие») через использование в этой агитации так называемого «падонского языка» (выражающиеся с его помощью намеренно и подчеркнута безграмотны). Данная акция освещалась на сайтах в сети Интернет, активно обсуждалась на блогах и однозначно

расценивалась как скандальная (некоторые общественные организации требовали даже привлечь участников акции за аморальность к уголовной ответственности).

Действительно, в том, как беспрецедентно откровенно была осуществлена эта акция, явно просматриваются те значения слова «скандал», которые представлены в наиболее авторитетных словарях. В них скандал рассматривается или как «срам, стыд, позор; соблазн, поношение, непристойный случай, поступок» [7, с. 192], или «случай, происшествие, позорящие его участников» [14, с. 641]. Однако, несмотря на действительно вызывающее с точки зрения общепринятых моральных норм поведение участников, эта акция предлагалась как художественная, в ходе ее совершения использовались элементы иронии, сатиры и пародии. Она выступала в качестве художественного жеста, оценка которого с точки зрения морали является грубейшей ошибкой (а подобные художественные жесты имеют давнюю традицию – можно вспомнить классическую желтую кофту Маяковского и другие «пощечины общественному вкусу», из последних наиболее резонансных – акции Александра Бреннера, Олега Кулика, Авдея Тер-Оганяна и др. (подробнее см.: [19, с. 360, 438–441])). Но кроме вышесказанного, у меня эта «арт-оргия» вызывает также ассоциации с формами ритуализированного архаического смеха и неоднократно рассматриваемого в литературе карнавального смеха. Как писал Г. К. Честертон: «Кошунство – это художественный эффект, зависящий от философского убеждения. Кошунство держится на вере и улетучивается вместе с ним» (цит. по: [11, с. 38]).

Исследователями вышеуказанных культурно-исторических форм смеха (Абрамян, Зазыкин, Козинцев, Лашенко) неоднократно отмечалось, что Первопраздник зачастую сопровождался половым совокуплением, носящим массовый характер, и перерастал в оргию. Так, Л. А. Абрамян в своей известной книге «Первобытный праздник и мифология» отмечает связь секса и смеха в архаическом первопразднике: «Оргиастичность наиболее ярко проявляется в веселом «карнавальном» празднике, где она присутствует не в виде символически-магической обрядности, а вводится автоматически, как некий хепенинг. Кроме того, она «работает» на все признаки архаического праздника – массовое соитие не может не быть веселым, смех сам играет большую роль в эротической символике. Смех, зарождающийся в глубине тела («утробный смех») сам собой и с судорожными усилиями вырывающийся наружу, как бы повторяет великие тайны зачатия и родов» [1, с. 106].

Для понимания природы скандала с точки зрения смеха возможно рассмотрение его через призму теории смеха Герберта Спенсера, представленной в сочинении «Физиология смеха» еще в 1860 году. Главная

ее идея заключается в том, что смех является механизмом разгрузки «избытка нервной энергии» (см.: [18, с. 798–811]). Здесь уместно вспомнить и название зала, выбранного для проведения арт-оргии. В этом смысле показательно объяснение природы смеха как сублимированной формы сексуальности. Например, В. А. Зазыкин, анализируя смех с точки зрения его энергетической затратности, обосновывает, что «сильный смех при половом возбуждении – это форсированный сброс сексуальной энергии через «верх» человеческого тела» [8, с. 85]. Но как я уже отмечал ранее, смех во время полового акта не позволяет партнерам выполнить его, разрушает сильные эмоции, убивает любовь у другого (см.: [13, с. 139]).

Тема обнажения и демонстрации половых органов достаточно широко представлена в фольклоре, при этом следствием подобных действий может быть как смех, так и испуг. Смех рассматривался как своеобразное оружие, могущее даже убить противника, того, на кого он был направлен. Например, этнографами отмечалось существование среди жителей Заонежья поверья о том, что женщина, показав свою vulva медведю, может его испугать и прогнать (см.: [8, с. 210]). Ритуальная форма смеха, позволявшая обретать власть над врагами, выступала в качестве деяния, аналогичного убийству. Показательна в этом отношении негативная реакция общественных и государственных институтов на обнажение человеческой телесности, идеологическое придание им качества вредительства, направленного против устойчивости социальных систем. При этом само событие рассматривалось как скандальное, что искусственно раздувалось. Подобная ситуация хорошо иллюстрируется, например, скандалом, вызванным выходом в прокат в 1930 году кинопоэмы «Земля» классика украинского и мирового кинематографа Александра Довженко. Это гениальное произведение отличалось новаторским киноязыком и непривычными для того времени кадрами с обнаженным женским телом (метаниями невесты в пустой хате). Официальный кремлевский поэт Демьян Бедный в фельетоне «Философы», напечатанном в газете «Известия» так оценил эту сцену:

«А в картине ЗДОРОВОЕ что нам показано?

Эта псевдоземля,

Девицу для всех оголяя,

Показав нам лицо напряженное,

Буйной похотью зло искаженное,

А не юное, резвое,

Целомудренно-резвое,

Деловито-суровое,

Это что же, явление ЗДОРОВОЕ?

И неужто мы эти ПОЛОВЫЕ ГРИМАСЫ

Будем гнать, «продвигать» в пролетарские массы?» (цит. по: [17, с.

13]).

Эта позиция власти создавать скандал с целью атак на выпадение из официального канона, как видим, базируется на распространении информации о деятельности, выходящей за рамки нормы морального порядка и нарушающей ее. Учитывается также, что подобная информация всегда интересует широкую публику, которая, в свою очередь, является только наблюдателем скандала, а не его участником. При этом обнаруживается, что сознательное разворачивание властью ситуации скандала вызвано пониманием его как наиболее эффективного способа проникновения в массовое сознание. Для организаторов скандала важно также развитие его, когда оскандаленный начинает себя защищать, чем только подчеркнет еще сильнее свою аморальность. Довженко пережил эмоциональный шок от этой публикации: «Я был так подавлен этим фельетоном, мне было так стыдно ходить по улицам Москвы, что я буквально поседел и постарел за несколько дней. Это была настоящая психическая травма. Я даже хотел умереть...» [17, с. 14]. В любом случае обвинения против него подтверждались, оправдывался ли он или, как произошло в данном случае, удалил из фильма кадры с «обнаженкой». Порождаемый инициаторами скандала сильный виртуальный мир был в состоянии трансформировать реальный мир.

Подобным образом и объект осмеяния для нас даже в наше время продолжает зачастую выступать как что-то чужое и неприятное, вторгающееся в наш мир и нарушающее его устойчивость. Поэтому стоит согласиться со Светланой Лащенко, что «в этом смысле Другой в нашем смеховом общении с ним всегда будет оставаться своего рода жертвой, подлежащей смеховому уничтожению» [12, с. 200]. Поэтому-то участники арт-оргии, осуществляя свою взаимную «проницаемость», превращали как бы друг друга в подобия некоего трансцендентного начала, господствующего над ними и определяющего их поведение. То есть они выступали, вполне возможно, неосознанно, в роли специфического культурного «громоотвода», отводящего из нашего мира ворвавшуюся в него агрессивную энергию этого внеположного трансцендентного начала. Это осуществлялось через архаический культурный механизм временного сокрытия подлинного и выдвижения взамен его подобия. В определенной степени такое поведение является всплыванием в нашем секуляризованном мире криптоязыческого мировоззрения, в котором присутствовал и космический юмор, который находил свое объяснение у классиков античности. «Мифы говорят, – поясняет Прокл, – что плачут боги не вечно, смеются же непрестанно, ибо слезы их относятся к попечению о вещах смертных и бранных, и порой есть, а порой их нет, смех же их знаменует целокупную и вечно пребывающую полноту вселенского действия... Смех мы относим к роду богов, а слезы – к состоянию людей и животных»

(цит. по: [3, с. 212]).

Хотя стоит отметить, что по большому счету даже такое значимое для человечества событие как страсти Христовы включает в себе и элементы иронии, и характерные особенности скандала. Это проявилось и в созвучии имен Симона Петра и Симона Кириянина. Великая честь соучастия в муках Иисуса досталась не ученику, который обещал верность, но отрекся, а постороннему и к тому же против его воли. (Мт 27:32). Ирония и в именовании – «Иуда, один из Двенадцати» (Мт 26:47), подчеркивающая высокое избрание Иуды. Для полноты преображения Господня необходимо было дойти до границ скандала, что было, в частности, отмечено Блезом Паскалем в его «Мыслях» (940 (790)): «Иисус Христос не пожелал, чтобы Его убили без соблюдения форм правосудия, ибо много больше бесчестия в смерти по закону, чем по беззаконному насилию» [15, с. 341].

В своем рассмотрении разных видов смеха В. Я. Пропп считал самым распространенным насмешливый смех [16, с. 195–196]. Насмешка прежде всего является издевательством, как это отмечалось, в частности, В. И. Далем [6, с. 472]. Субъективно в смехе проявляется пренебрежительное отношение к жизненной ситуации, предмету или лицу, возвышение над ними. Данная традиция рассмотрения смеха достаточно давняя. Мы встречаемся с таким пониманием природы смеха уже у Т. Гоббса, считавшего смех выражением гордыни, представления человека о себе с позиции превосходства и своей значительности. Он писал, что «страсть смеха есть не что иное, как внезапное чувство тщеславия, возникшее в нас под влиянием неожиданного представления о каких-нибудь наших личных преимуществах и сравнения последних со слабостями, которые мы замечаем в данный момент в других людях или которые нам самим были свойственны в прежнее время» [5, с. 547]. Но мне кажется справедливой позиция А. Г. Козинцева, понимавшего природу смеха как метаотношения, отключающего и нейтрализующего серьезное отношение к объекту внешнего мира и тотально отрицающего самого субъекта (см.: [11, с. 33–37]). Самостоятельность, можно даже сказать, самодостаточность смеха проявляется в том, что в процессе его совершения одно и то же лицо разделяется на себя, смеющегося, и себя, осмеиваемого. «Наиболее благородные виды смеха над другим также до известной степени позволительно интерпретировать как смех над собой; смех вольнолюбия над тираном – это смех прежде всего над собственным страхом перед тираном; вообще смех слабейшего над угрозой со стороны сильнейшего – это смех прежде всего над собственной слабостью, как смех над ложным авторитетом – смех над собственной замороченностью, способностью к замороченности, – и так далее» [2, с. 349]. Показательна в этом отношении

притча о смехе у людей, переставших плакать, когда у них полностью все имущество отобрал жестокий тиран.

Зафиксированная в языке связь смеха с отказом от жизненного пребывания в мире («уморить со смеху», «уморительный случай» и т. п.) указывают на факт утраты смеющимся человеком переживания окружающего мира; его «я» и его тело – почти по Р. Декарту – существуют параллельно друг другу. Этим скорее всего объясняется и неоднократно отмечаемая исследователями (В. М. Бехтерев, Д. Грегори, Г. Эллис и др.) способность смеха физиологически избавлять человеческое тело от вынужденного напряжения. Зачастую это сопровождалось непровольным моче- и газоиспусканием, что описывалось в качестве характерной черты смеха как подобного коитусу действия еще в XVI веке в трактате о смехе французского врача Лорана Жубера (Laurens Joubert) (см.: [8, с. 61–63]).

Интересен в этом аспекте подчеркнутый В. Иваницким внеличный характер смеха: «Состояние смеха – это нечто непередаваемое, непонятное извне, взболтанное, сотрясаемое конвульсиями, внеличное – одним словом, смешное. Вот почему смех на мгновение «снимает» личность» [9, с. 13]. Этот внеличный характер обусловлен скорее всего своими архаическими истоками и связью с ритуальными формами своей представленности. Несмотря на вырванность его из давнего символического пространства культуры с сильными мистическим интенциями он в неявном (крипто-) виде сохраняет для попадающих под власть его стихии качество средства выведения наружу таинственных свойств, спрятанных в глубинах человеческой природы. Действительно, переживая состояние дряхлеющего смеха, человек испытывал глубочайшие психологические потрясения, как бы воздействие «иног бытия», сопровождаемое изменением привычного для его повседневного опыта чувственного восприятия. В свете этого справедливым кажется следующее высказывание С. К. Лашенко: «Поражаясь деградации смеховых традиций в культуре, мы спешим истолковать их признаками упадка или деформации сознания современного человека, но никак не возвращением архаических смыслов смеха, никак не обнаружением неких генетических свойств этого феномена, справиться с которыми человечеству так и не удалось на протяжении долгих веков эволюции» [12, с. 201].

Скандал нельзя однозначно характеризовать как связанный преимущественно со смехом и осмеянием. По природе своей он мрачен, провоцируя смех и тут же глуша его, вызывает дискомфорт и напряженность. Когда он насмешлив, то вряд ли он вызывает удовольствие и является развлечением для всех его участников. Скандал по своей сути разворачивает субъективность собственных организаторов и задействованных в нем лиц.

В нем очень сильна морализаторская и лицемерная линия поведения, объяснить которую можно, воспользовавшись словами Г. В. Ф. Гегеля: «Точно так же и упорство всеобщего сознания, настаивающего на своем суждении, не есть разоблачение и прекращение лицемерия. – Обзывая его дурным, низменным и т. п., оно ссылается в таком суждении на *свой* закон, подобно тому, как злое сознание – на *свой*. Ибо тот закон выступает в противоположность этому и тем самым – как некий особенный закон. Он, стало быть, не имеет преимущества перед другим законом, а скорее признает его действительным; и это усердие делает как раз противное тому, что оно намерено делать, а именно, то, что оно называет истинным долгом и что должно быть общепризнанным, показать как нечто *непризнанное* и тем самым предоставить «другому» равное право для-себя-бытия» [4, с. 355–356]. Скандал создает в обществе полусумасшедшее настроение и играет с небытием, уничтожает нравственную ответственность, так как он обесценивает наиболее субстанциальные интересы жизненного мира, уничтожает объективные содержания. В отличие от смеха с его антителеологичностью, самодостаточной произвольностью и внезапностью, разгоревшийся и идущий своим ходом скандал целесообразно разворачивается таким образом, как будто предвиделось его завершение и осмысленно представлялось, что еще необходимо сделать для его развития. Серьезность, безусловно, есть фон смеха, но в нем она снимается. «Над чем именно и почему мы смеемся – это то так, то эдак раскрывается и поворачивается в самом процессе смеха, и здесь всегда возможна игра смысловых переходов и переливов; ею, собственно, смех и живет» [2, с. 349]. Когда обстоятельства заставляют смеяться, трудно оставаться серьезным, в отличие от строгого или ироничного выражения, которое возможно сохранить в скандальной ситуации.

1. Абрамян Л. Ф. Первобытный праздник и мифология.– Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983.– 232 с.
2. Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // Аверинцев С. С. Собрание сочинений / Под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. Связь времен.– К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2005.– С. 342–359.
3. Аверинцев С. С. Язычество // Аверинцев С. С. Софія – Логос. Словник.– К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 1999.– С. 211–213.
4. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Пер. с нем. Г. Шпетга.– СПб.: Наука, 1992.– 444 с.
5. Гоббс Т. Человеческая природа // Гоббс Т. Сочинения в 2 т. / Пер. с лат. и англ.– Т. 1.– М.: Мысль, 1989.– С. 507–573.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 2.– М.: Русский язык, 1980.– 683 с.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 4.– М.: Русский язык, 1980.– 683 с.

8. Зазыкин В. А. О природе смеха: По материалам русского эротического фольклора.– М.: Ладомир, 2007.– 266 с.
9. Иваницкий В. Почему смеялась рыба? // Знание – сила.– М., 1993.– № 2.– С. 9–16.
10. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения в шести томах.– Т. 5.– М.: Мысль, 1966.– С. 161–529.
11. Козинцев А.Г. Человек и смех.– СПб.: Алетейя, 2007.– 236 с.
12. Лашенко С. К. Заклятие смехом: Опыт истолкования языческих ритуальных традиций восточных славян.– М.: Ладомир, 2006.– 316 с.
13. Левченко В. Л. Смех как различие // *Дбѣа / Докса*. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип. 9. Семантичні й герменевтичні виміри сміху.– Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2006.– С. 137–142.
14. Ожегов С. И. Словарь русского языка: / Под ред. докт. филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой.– 14-е изд., стереотип.– М.: Русский язык, 1983.– 816 с.
15. Паскаль Б. Мысли / Пер. с фр. Ю. А. Гинзбург.– М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995.– 480 с.
16. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха.– СПб.: Алетейя, 1997.– 288 с.
17. Раззаков Ф. И. Скандалы советской эпохи.– М.: Эксмо, 2008.– 704 с.
18. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские / Пер. с англ.– Мн.: ООО «Попурри», 1998.– 1074 с.
19. Фрай М. Азбука современного искусства // Фрай М. Книга для таких, как я.– СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2006.– С. 305–466.